

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ

А.А. Кара-сал

THE ROLE OF SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE SPIRITUAL CULTURE OF TOUVINIAN PEOPLE

The article is dedicated to a role and place of social technologies in culture of the Touvinian people, considering philosophical and scientific researches in technology sphere go extremely behind, theoretical and practical requirements of the actuality of the subjects selected by the author as a whole does not raise any doubts.

Judging by the references, reviewed article «The Role of social technologies in spiritual culture of Touvinians» is the first large experience of statement and problem solving of Technogenesis. Naturally, therefore, it is impossible to capture in regular intervals of all complex questions of appearing of technology just in one single research. However on the basis of serious proofs, as a whole the research objective is accessible, work is executed on high scientific level, and it represents a significant interest for the philosophical science and can be recommended for publishing.

Принято считать, что в процессе развития социокультурных систем происходит непрерывный рост многообразия и сложности организации форм существования материальных объектов и духовных практик, а следовательно, и системы в целом. Росту этого многообразия свойственна некоторая направленность, т.е. цель развития. Развитие условных форм нельзя рассматривать вне контекста развития социальных технологий, посредством которых передаются следующим поколениям навыки, поведение, знания и в целом информация.

Социальная технология возникает вместе с общественным человеком как важная сторона его жизнедеятельности. Технология отражает исходное активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, осуществляемый через процессы обмена веществом, энергией и информацией. Формой реализации технологического отношения к природе является материальное общественное производство, а средством – человеческий труд и природные процессы. Технология, производство и труд, таким образом, оказываются тесно связанными и могут рассматриваться как стороны или аспекты единого целого. При этом отметим, что речь в данном случае идет о социальной технологии, общественном производстве и человеческом труде. Этот акцент, тем самым, призван подчеркнуть, с одной стороны, специфику технологии производства и труда как конечного этапа их генезиса, а с другой – напомнить, что эта специфика появилась не на пустом месте, а имеет общее основание, которое заложено биотехнологией, био-взаимодействием и отражением.

Каким образом и когда произошла замена биотехнологии социальной технологией?

Ответ на этот вопрос в общем виде раскрывает процессы и механизмы смены биологической формы движения социальной. Конкретно смена биологического социальным реализуется через промежуточные процессы и закономерности антропосоциогенеза. Здесь биологическое получает дальнейшее развитие в новых биосоциальных формах взаимодействия и отражения, которые снимаются социальным взаимодействием и отражением, т.е. коллективным взаимодействием субъектов и сознательным отражением ими окружающей среды.

Таким образом, установить начала социальной технологии – значит показать: как и когда коллективное взаимодействие субъектов, основанное на рефлексивных, порождает сознание. Только с появлением сознания можно вести речь о человеке, человеческом труде, общественном производстве и технологии в ее собственном, общепринятом смысле. С этого момента возникает выделенная В. И. Лениным вторая форма «объективного процесса» [1], поскольку «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2]. В этой именно связи «технология, – по Марксу, – вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни» [3], который со временем трансформируется в особую развивающуюся технологическую форму движения материи, ранее неизвестную в природе. «Мы в состоянии вызвать такие движения, – писал Ф. Энгельс, – которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), – по крайней мере, не встречаются в таком виде, – и что мы можем придать этим движениям заранее направление и размеры» [4]. Сейчас уже это технологическое движение давно вышло за рамки промышленности и стало глобальным явлением.

В классической исследовательской традиции технология представляется как предельно рационализированная, жестко структурированная, практически ориентированная программа деятельности, прежде всего в сфере материального производства, которая соотносится с понятием цивилизация и ее технико-технологическим базисом. Такое разделение техники на две ипостаси рассматривается как методологиче-

ский прием, позволяющий более детально исследовать каждое из ее существенных проявлений. Культура в данной традиции выступает как нечто, противостоящее технике, но не технологии. При исследовании данного вопроса все исследователи рассматривают технику и технологию как одно целое. Данную постановку вопроса мы считаем целесообразным разделить на две составляющие, технику и технологию. Так как при этом совершенно не учитывается, что технология и техника распространяют свое влияние и на сферу культуры, предполагая возможность существования технологий общения власти, любви и т.д. Приведенные посылки делают проблематичным объяснение современной технологии и техники применительно к культурологической сфере.

Мы сталкиваемся с двумя большими культурными формами, это Восточная культура и Западная культура и каждая по своему формирует системы технологий и техники, и говорить об их специфике можно только, если определены основные различия принимаемых к рассмотрению культур, такие как понятия целесообразности и эффективности. Также мы рассмотрим основные характеристики мышления определяющие использование тех или иных технологий в материальной и духовной культуре. Речь в данном случае пойдет о проблемном поле и исходных теоретических принципах, принимаемые в Восточной культуре и особом внимании к трансляции технологий и духовной культуре.

Мы привыкли к тому, что человеческое мышление, познание и сознание – это форма духовной деятельности, которая существует в обществе с момента его возникновения. На каждом историческом этапе процесс мышления, познания и сознания осуществляется в многообразных, но взаимосвязанных социально – культурных формах. В процессе становления человеческого общества с необходимостью складываются новые принципы поведения, которые организуются средствами культуры, обращенными к сознанию человеческого индивида. Эволюция сознания, мышления и познания погружена в контекст становления культурных символов, а сам процесс возникновения мышления и сознания представляет собой органическую часть становления социума. Талантливый советский психолог Л. С. Выгодский не без основания полагал, что тайна сознания и мышления скрываются в тайне знания, к разгадке которой он намечал весьма продуктивный подход. В частности, становления мышления в филогенезе Л. С. Выгодский связывал с предметно-деятельными процессами, в то время как ведущим фактором формирования мышления и сознания в онтогенезе полагал социализацию индивида, в ходе которой он усваивает основные смысловые значения. В рамках представлений об антропосоциогенезе природа происхождения смысловых значений может быть раскрыто через рассмотрение процесса социализации животного сообщества в целом, через генезис поведения в ходе этой социализации и развития культуры как неотъемлемом факторе этого эволюционного процесса [5].

Как рассуждает Н. Луман, при интерпретации познания как открытость человека перед миром, то станет явным противопоставление человека и неупорядоченного мира. Эти отношения требуют какой-то опоры для противопоставления, упорядоченности, и человек начинает искать определенность в другом человеке, вызывая возникновение картин внешнего мира, обществ, культур и цивилизаций. «Это особенно важно, – считает Н. Луман, – поскольку система общества должна постигаться как самореференциальная система (нетривиальная машина в смысле Хайнца фон Ферстера), в которой трансформации не просто лишь происходят, но и наблюдаются, т.е. их осуществление в технологиях; причем с тем следствием, что образуются (пусть даже неадекватные) интенции пытающиеся воспрепятствовать или содействовать или содействовать изменению» [6].

Иными словами, в антропогенезе прослеживается потребность человека к упорядочиванию своего познавательного пространства, для чего он постоянно изобретает различные способы классификации или технологии объектов внешнего и внутреннего мира, артефактов культуры и институтов цивилизации. Часто в основание оценки материальной культуры заключают теоретическую модель ее осмысления в науке, тем самым, упуская из виду временную реальность непосредственно происходящих действий при создании ее продуктов. Технологии материальной культуры основаны на объективной, а главное – временной оценке всего комплекса условий ее осуществления. Теоретическое видение материальной культуры всегда остается от ее практического осуществления, поэтому особенности структуры, темпа, направленности как основополагающих принципов ее существования требует отдельного рассмотрения.

Научные исследования археологов, этнографов, социологов показали, что то, как люди воспринимают самих себя, взаимодействуют с другими людьми, обращаются с природными человеческими ресурсами – определяет дальнейшие закономерности развития культуры. Но здесь следует учитывать фактор сужения или универсализации форм и способов социального бытия по мере их исторического углубления, с одной стороны, и все большей их привязанности к природно-климатическим условиям, с другой. В действительности, каким бы высоким не был научный уровень, которым мы обладаем, мы не можем в полной мере расшифровать язык вещей или явлений социального порядка эпохи палеолита. Даже вещь вчера служившая индивиду, очень трудно воспроизводима во всей полноте ее функционального и других проявлений. Установление культурной привязки только к процедуре функционального определения артефактов не может являться единственным фактом технологии перевода «вещной» информации в культурно значимую [7].

Человек освоил природу не только духовно теоретически, но и духовно практически, поскольку любые продукты преобразованной природы, оставаясь материальными, вещественными в своей основе, включались в процесс человеческой жизнедеятельности. Даже в глубокой древности человек в целях выживания не только адаптировался к среде обитания, но и приспосабливал последнюю к своим нуждам, желаниям и потребностям.

Вторая, созданная человеком природа, относительно противостоящая натуре *первой* природы, и есть природная форма бытия природы. Это означает, что сообразование окружающей природы является предпосылкой существования культуры [8].

Сущность культуры состоит в способности человека осуществлять с помощью технологии особый мир бытия, в котором технология духа порождает технологические средства, творящие материальную культуру. Такая концепция предполагает, прежде всего, признание того, что человек является одновременно и членом социума, и биологическим существом, подверженным влиянию фактов окружающего мира. «Общей для человека и всех других живых существ является необходимость обмениваться со средой веществом и энергией, – писал Л.Н. Гумилев, – но отличается он от них тем, что почти все необходимые для него средства существования вынужден добывать трудом, взаимодействия с природой не только как биологическое, но, прежде всего, как социальное существо. Условия и средства, производительные силы и, соответствующие им производственные отношения непрерывно развиваются» [9].

Мы достаточно просто стали рассуждать о технологии и ее роли в формировании самосознания, мышления, познания, тех или иных форм изменений, как в материальной, так и в духовной культуре. Для того, чтобы понять роль и место социальных технологий необходимо исследовать и понять ее возникновение.

Для построения целостной историко-философской и общетеоретической концепции технологического движения общества современная наука располагает достаточно богатым банком технологических фактов. От дальнейшего накопления эмпирических материалов в теории сомнительно ждать «автоматического» появления нового качества, поскольку за богатством деталей труднее выделить простые исходные и основополагающие закономерные начала. Поэтому обращение к «началам», «истокам» технологии не является просто праздным любопытством.

Во-первых, анализ «начала» позволяет естественным путем абстрагироваться от множества частных, увидеть исходные противоречия, их компоненты, источник движущих сил технологического движения в «обнаженном» виде.

Во-вторых, технологическое «начало» как бы детерминирует и в дальнейшем организует закладку основных видов технологической формы движения материи, что позволяет более естественным путем и более объективно изучать исторические формы технологии и ее современное состояние.

В-третьих, решение философско-социологических и теоретических проблем технологии не может быть признано полным без вскрытия ее генезиса.

В-четвертых, решение проблемы «технологического начала» вооружает методологическим инструментарием не только технологов, но и исследователей, занимающихся одной из важнейших проблем социальной философии – антропосоциогенезом.

Какова специфика исследования проблемы? Современная технология может быть интерпретирована как относительно самостоятельное явление. Достаточно просто учесть, что она представляет собой сторону, аспект и компонент труда, а шире – производства. На самом общем уровне труд может быть рассмотрен и как человеческая активность, сопровождавшаяся «расходом человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т. д.» [10] и «в связи с его полезным эффектом» [11]. В последнем случае «перед нами предстает просто технологический процесс, – верно замечает А.Н. Кочергин, – характеризуемый определенным идеальным образом продукта, целью, характером операций, средств, предметом, результатом» [12]. Поскольку труд производит, прежде всего, полезный материальный результат, то он одновременно является элементарным производством.

С развитием производства временная пропорция труда и времени производства меняется: физиологическая составляющая (непосредственный труд) уменьшается, а управляемые естественные процессы производства растут так, что в конечном итоге материальный обмен между обществом и природой начинает осуществляться без прямого участия человека. Тем не менее технологическая природа труда, его механизмы полностью снимаются производством, технологические функции человека переходят к техническим компонентам производительных сил. «Принцип крупной промышленности – разлагать всякий процесс производства... на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии. Пестрые, внешне лишенные внутренней связи и окостеневшие виды общественного процесса производства разложились на сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желаемого полезного эффекта, области приложения естествознания. Технология открыла также те немногие великие основные формы движения, в которых необходимо совершается вся производственная деятельность человеческого тела...» [13].

Литература

1. Ленин В. И. Философские тетради // В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 170.
2. Там же.
3. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 383.
4. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 544 – 545.
5. Чешев В.В. Человек как мыслящее существо / В.В. Чешев. – Томск. 1999. – С. 100.
6. Луман Н. Эволюция / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антановского. – М.; Логос, 2005. – С.186.
7. Каллингвуд Р. Дж. Идея истории / Р. Дж. Каллингвуд. – М.: Наука, 1980. – С. 388.
8. Городищева А. Н. Техногенез и коммуникативные формы культуры / А. Н. Городищева. – Красноярск. 2007. – С. 53.
9. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2002. – С. 7.
10. Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 53.
11. Там же.
12. Кочергин А.Н. Наука как вид духовного производства / А.Н. Кочергин, Е.В. Семенов, Н.И. Семенова. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 20.
13. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 497.

Literature

1. Lenin V. I. Philosophical notes // Full. coll. com. – Vol. 29. – P. 170.
2. At the same place.
3. Marks K. Capital // Marks K., Engels F. Comp. – 2ed. – Vol. 23. – P. 383.
4. Engels F. The dialectics of nature // Marks K., Engels F. Comp. – 2-nd rel. – Vol. 20. – p. 544 – 545.
5. Cheshev V. V. Man as the thinking creature. Tomsk. 1999. – P. 100.
6. Luman N. Evolution / N. Luman; trans. from germ. A. Yu. Antanovsky. – Moscow: Logos, 2005. – С.186.
7. Kallingwood R. J. The idea of history / R. J. Kallingwood. – Moscow: Science, 1980. – P. 388.
8. Gorodischeva A. N. Technogenesis and communicative forms of culture. Krasnoyarsk. 2007. – p. 53.
9. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the biosphere of earth / L. N. Gumelev. – Saint - Petersburg: Cristal, 2002. – P. 7.
10. Marks K. Capital // Marks K., Engels F. Comp. – 2 ed. – Vol. 23. – P. 53.
11. At the same place.
12. Kochergin A. N., Semenov E. V., Semenova N. I. The science as the type of spiritual industry. – Novosibirsk: Nauka, 1981. – P. 20.
13. Marks K. Capital // Marks K., Engels F. Comp. – 2 ed. – Vol. 23. – P. 497.

Кара-сал Аяслана Анай-ооловна – старший преподаватель Тувинского государственного университета.
Тел. 8(39422) 5-40-76